

что главный закон всякой войны — это уничтожение противника, а гражданская война наиболее беспощадна, и подходить к ее изучению надо с учетом реалий и психологии той эпохи, а не сегодняшнего дня, причем стараясь не отдавать явного предпочтения ни одной из противоборствовавших сторон.

¹ См.: Наумов И. В. Сибирская атамановщина 1918–1920 гг. в освещении отечественных историков // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 62-63; Немчинова Т. А. Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002. С. 126-131.

² Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана. Алматы, 1994. С. 114.

³ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 3. С. 86.

⁴ РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 22. Л. 3-4.

⁵ Звегинцов В. В. Добровольческие части в Сибири // Военная быль. Париж, 1968. № 90. С. 26; Камбалин А. И. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе // Белая гвардия. М., 1997. № 1. С. 66.

⁶ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 12 февраля.

⁷ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 24. Л. 78 об. 79.

⁸ Там же. Л. 82, 84.

⁹ См.: Там же. Д. 91. Л. 13, 39, 40 и др.

¹⁰ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XV. С. 276.

¹¹ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 91. Л. 13.

¹² За Родину (Семипалатинск). 1919. 29 октября.

¹³ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин, 1921. Т. 2. С. 378.

¹⁴ Будберг А. П. Указ. соч. С. 318.

¹⁵ Одно из хабаровских кафе.

¹⁶ Сибирская жизнь. 1919. 26 января.

¹⁷ Симонов Д. Г. История II Степного корпуса белой Сибирской армии. Новосибирск, 2001. С. 46.

¹⁸ См.: Харченко К. В. Власть — Имущество — Человек: передел собственности в большевистской России 1917 — начала 1921 гг. М., 2000. 264 с.

¹⁹ См.: Красный террор в годы Гражданской войны. Лондон, 1992. 432 с.

²⁰ Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1994. № 2. С. 50-51.

²¹ Кузнецов Д. С. Организация управления в частях особого назначения Западной Сибири (1920–1924 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. Новосибирск, 2003. Ч. I. С. 127-130.

²² Наумов И. В. Указ. соч. С. 63.

²³ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. III. Т. 1. С. 233.

Валерий Михайлович КРУЖИНОВ —
профессор кафедры отечественной
истории, доктор исторических наук

УДК 377 (571.12)

ТЮМЕНЬ И ТЮМЕНЦЫ В 1920-Е ГОДЫ

АННОТАЦИЯ. Анализируются основные тенденции развития г. Тюмени и повседневная жизнь горожан в условиях нэпа.

The author considers the major tendencies of Tyumen development and daily life of city dwellers in the period of new economic politics.

Парадоксально, но Тюмень не скатилась в «демографическую яму», куда после революции и двух войн, Первой мировой и Гражданской, попала истерзанная Рос-

сия. Более того, в 1914-1920 гг. население города даже увеличилось с 42550 до 43134 человек [1]. Однако темпы и источники этого роста существенно изменились. Если в предшествующее десятилетие численность тюменцев ежегодно возрастала на 2-3 %, причем в основном за счет естественного прироста, то за семь военных лет этот показатель понизился в 10 раз — до 0,2-0,3 %, а главным фактором относительной демографической устойчивости стал приток беженцев.

Этот поток продолжался и в первые годы нэпа, когда жесточайшая засуха в европейской России заставила огромные массы людей искать спасение от голодной смерти вдали от родного дома. Тюмень была первым крупным перевалочным пунктом на их трудном и жертвенном пути за Урал. В отдельные недели здесь скапливалось до 5 тыс. беженцев, которые питались «мясом собак, сорок, ворон и другими птицами и зверями, ранее не употреблявшимися в пищу, и даже ... падалью» [2]. Ради миски пустой похлебки они соглашались на любую работу — расчищали свалки, подметали улицы, перетаскивали грузы.

Волна вынужденных переселенцев до предела обострила все язвы городской жизни. Возросли преступность, нищенство, ухудшилась эпидемиологическая обстановка. В июле 1921 г. в Тюмени вспыхнула эпидемия холеры, осенью пришел тиф, которым переболели 6948 человек, т. е. каждый шестой горожанин [3].

Чтобы облегчить положение беженцев, для них на одной из окраин города (в районе современной ул. Московский тракт) наскоро построили бараки с печками — «буржуйками» и баню. Здесь же открыли столовую, где время от времени выдавали горячие обеды. Однако масштабы бедствия оказались столь велики, что помочь всем голодающим было просто невозможно. К тому же в условиях разрухи зауральская деревня резко сократила посевную запашку — в 3 раза, и урожаи зерновых не покрывали даже половины минимальной потребности региона в хлебе [4]. Обследование материального положения рабочих Тюмени показало, что многие из них сами живут впроголодь. На вопрос «Что вы ели вчера?» они обычно отвечали: 1) завтрак — чай с шанежками картофельными; обед — суп мясной с хлебом; ужин — чай с хлебом; 2) завтрак — чай с хлебом; обед — суп мясной; ужин — суп мясной; 3) завтрак — чай, жареная картошка; обед — жареные караси; ужин — чай, соленая рыба [5] и т. п.

Острый дефицит продовольствия сопровождался бешеным ростом цен. Если в сентябре 1921 г. пуд муки стоил 140-150 тыс. руб., то через два месяца — 230-250 тыс. руб., а еще через полгода — 12 млн руб. За это же время стоимость фунта масла выросла с 15 тыс. руб. до 500-600 тыс. руб., а четверти молока — с 5 тыс. руб. до 500 тыс. руб. [6]. К декабрю 1922 г. цены на картофель в сравнении с 1914 г. поднялись в 1666 раз, на яйца — в 1647 раз [7].

При заработной плате рабочего, в лучшем случае доходившей до 120 тыс. руб. в месяц (данные на сентябрь 1921 г.), ее не хватало даже на то, чтобы питаться одним хлебом. Катастрофическим было материальное положение служащих, интеллигенции. Так, за первую половину сентября 1921 г. средняя заработная плата тюменского учителя составила 1143 руб., на которые можно было приобрести только полстакана молока или 10 спичек [8]. В этих условиях в первые годы нэпа в основном сохранялась сложившаяся в годы Гражданской войны централизованная система снабжения населения продуктами питания (по талонам и хлебным карточкам), а продовольственные нормы зависели от наличных ресурсов и дифференцировались для различных групп населения. Так, за первую половину июля 1921 г. рабочие получили по 11,25 фунтов муки и полфунта соли, дети — по 9 фунтов муки, полфунта масла и столько же соли, неработающие женщины-матери — 3 фунта муки, полфунта масла и столько же сахара [9]. Не составляет труда рассчитать, что при таком снабжении энергетическая ценность пищевого рациона работающего мужчины не превышала

1000 ккал в сутки (вместо необходимых 3000 ккал) и не возмещала его энерготрат. Трагизм тех дней ярко передает короткое, но леденящее душу частное объявление, помещенное в тюменской газете «Трудовой набат»: «Не имея возможности прокормить детей, отдаю в дети мальчика десяти лет и трех девочек — тринадцати, семи и пяти лет» [10].

Еще хуже было организовано снабжение населения промышленными товарами. Работница одного из предприятий жаловалась в городской Совет, что «за 9 месяцев работы не получила ни обуви, ни мануфактурь», хотя «является сестрой красноармейца» [11].

Кризис снабжения, нараставший с каждым днем, лишал рабочих и служащих даже минимальных стимулов к труду. Привычными стали воровство на предприятиях, прогулы. В июне 1921 г. в расчете на одного рабочего Тюмени приходилось 12,6 прогулов, на одного служащего — 9,6, в июле — соответственно 13,8 и 11, в августе — 12,2 и 9,1 [12] и т. д. Продолжалось сокращение промышленного производства, и без того пришедшего в упадок. Если за семь военных лет выработка продукции на кожевенных предприятиях города упала в 4,3 раза, то за шесть месяцев мирного времени — в 3 раза [13]. Производство в мукомольной отрасли, главной в дореволюционной Тюмени, уменьшилось в 7 раз, в деревообрабатывающей — в 3 раза. На 1 января 1922 г. в Тюмени не работали 13 заводов, в том числе Жабынский судостроительный, мыловаренный «Унион», лесопильный, кирпичный, уксусный, лаково-чернильный и другие [14]. Развал царил на заводе «Механик» (бывш. Машарова, ныне ОАО «Станкостроительный завод»), в прошлом самом крупном металлообрабатывающем предприятии края. Современник, побывавший здесь осенью 1922 г., увидел «наглухо заколоченные окна полуразрушенных фабрично-заводских зданий, которые навевают на каждого человека какую-то грусть» [15].

В критическом положении находилось и городское хозяйство: почти прекратилось освещение улиц, разрушались деревянные тротуары, с перебоями работали телефонная сеть, водопровод, переправа через р. Тура. В выгон для скота превратились городские сады — Колокольниковский (находился рядом с современной Никольской площадью), Колмогоровский (находился в Заречье) и некогда знаменитый Загородный. Дырами прогнившей мостовой зиял уникальный Затюменский мост (ныне почему-то названный Благовещенским), сооруженный в середине XVIII века.

Город, и раньше не отличавшийся чистотой, был завален кучами мусора. Вот так, например, выглядел в начале 1922 г. один из уголков центральной части Тюмени: «На берегу Туры около Народного дома (вскоре здесь разместится резиденция губернатора Тюменской области, тогда — рабочий клуб. — авт.) навалена масса навоза и отбросов из помойных ям. За последнее время, очевидно, из-за того, что берега уже не хватает, нечистоты начинают валить прямо на Ильинскую улицу (ныне ул. 25 лет Октября), и она представляет из себя сейчас что-то невообразимое» [16].

Положение оставалось почти безнадежным вплоть до 1923 г., когда в основном сформировались нэповские механизмы хозяйствования и новый, к счастью, хороший урожай позволил перевести дыхание. Важное значение имел также переход на новые принципы формирования городского бюджета: введение местных налогов (со строений, выездных экипажей и лошадей, домашних животных и скота, грузов и др.), отчислений от государственных налогов и сборов (подоходно-имущественного, промыслового, гербового и др.), платы за пользование городским имуществом, коммунальными услугами, землей. Это позволило восстановить освещение улиц, водопровод, построить первый деревянный мост через Туру, исправить тротуары и вымостить ряд улиц, начать работы по озеленению. Для вывоза мусора в 1923 г. организуется «ассенизаторский обоз».

Однако, пожалуй, главной приметой нового стало расширение сферы товарно-денежных отношений. Если на 1 января 1922 г. в Тюмени насчитывалось только 35 торговцев, то на 1 января 1923 г. — 366, на 1 января 1924 г. — 691 [17]. Торговали в магазинах, лавках, ресторанах и трактирах, с рук и земли. Главной торговой «точкой» города была Базарная площадь (располагалась на месте современной Центральной площади). Еще в 1921 г. здесь восстановили торговые ряды, растащенные на дрова в годы Гражданской войны: «зеленный» (для торговли зеленью и молочными продуктами), мучной, рыбно-мясной, гончарный и другие. Рядом находилась «толкучка», а напротив нынешнего здания администрации Тюменской области продавали лошадей, сено, дрова. «Если пройтись в любой день недели по тюменскому базару, — писал современник, — то мы увидим, что на нем царит большое оживление. На нем есть все: и продукты сельского хозяйства, и промышленные изделия, и книги, и газеты, и вообще все, что угодно» [18]. В 1926 г. вместо торговых рядов на площади построили крытые ларьки и лавки. В летнее время они открывались в 7 часов утра и закрывались в 17 часов. Зимой торговля на Базарной площади велась с 8 до 16 часов [19].

В начале 1923 г. в Тюмени возобновила работу торговая биржа, где торговали не наличными товарами, а по их образцам. За первые полгода работы здесь заключили 376 сделок. Объектами биржевой торговли являлись зерно (в 1923/24 г. — 21% оборота), кожа (18%), продукты питания (17,1%), текстильные товары (16%), а также шерсть, мыло, махорка [20] и др. Тогда же возродилась тюменская ярмарка, проводившаяся с 15 июня до 1 августа [21].

Правда, реабилитация товарно-денежных отношений сдерживалась сохранением запрета на куплю-продажу земли, крупных предприятий, железнодорожного и водного транспорта, дефицитом товарной продукции. Возможности развития рыночной экономики сужались также в связи с сохранением в первые годы нэпа государственной монополии на ряд наиболее ходовых потребительских товаров. Так, до весны 1922 г. в руках государства оставалась торговля солью, кожевенным сырьем, пушниной, лесом, до лета 1922 г. — медикаментами. До 1925 г. сохранялась государственная монополия на спирто-водочные изделия, драгоценности.

Все эти обстоятельства обусловили соответствующую структуру рынка нэповской России, в том числе Тюмени. Ведущие позиции в городской торговле занимал государственно-кооперативный сектор: в 1923 г. из 54 тюменских магазинов 30 являлись государственными, 21 — кооперативными и только 3 принадлежали частным лицам [22]. В то же время базарная и уличная торговля в основном контролировалась частником.

Середина двадцатых — это время возрождения тюменских промышленных предприятий, некоторые из которых даже превзошли производственные показатели 1913 года. Так, на заводе «Механик» в 1926 г. работали уже 369 рабочих (в 1908 г. — 220). Основное производство велось в литейном и металлообрабатывающем цехах, где выпускалось чугунное литье, главным образом печи и посуда. В трех вспомогательных цехах — механическом, кузнечном, гончарном — производили гвозди, проволоку, детали для машин, водоразборных колонок и т. п. К 1928 г. годовая выработка чугунного литья на заводе составила 2 тыс. тонн (в 1913 г. — 1 тыс.). Среди других городских предприятий выделялись фабрика «Пламя» (в 1913 г. производила 70 тыс. ящиков спичек и 2 тыс. куб. м. фанеры; в 1928 г. — соответственно 100 тыс. и 4 тыс.), завод «Угольник» (в 1913 г. производил 12 тыс. валенок; в 1928 г. — 52 тыс.), пивоваренные заводы «Нэп-1» и «Нэп-2» (в 1913 г. производили 30 тыс. гл пива; в 1928 г. — 40 тыс.) [23] и другие.

В связи с оживлением торгово-промышленной деятельности начинает восстанавливаться банковская система. В июне 1923 г. открывается Трудовая сберегательная касса (ее отделения располагались на железнодорожном вокзале и почте -

ныне здание по ул. Республики, 12) [24], в феврале 1924 г. — тюменское отделение Промбанка (размещалось в здании по ул. Республики, 30) [25].

Переход к нэпу изменил весь ритм городской жизни. Ее выразительную зарисовку оставил некто Грей, с помощью которого мы и совершим небольшую экскурсию по Тюмени:

«Еще не так давно приезжающий из Москвы с прискорбием сердечным говорил, что у нас скучно. Идешь, бывало, по ул. Республики и ничего-то на ней нет: все дома заняты под казармы или склады. Сейчас не то. И вывески, и окна так и ласкают взор. Все помещения приспособлены под магазины, рестораны. А где этого нет, там обязательно мельница. Этих мельниц народилось масса. Стоит одна — на ее месте вырастет другая. В ресторанах гремит музыка, окна поблескивают мадерой, хересом. В цирке для нашей почтеннейшей публики представляют захватывающие фокусы. В театре вылезает нагло на сцену и действует на ней пинкертоновщина. Ну, не возрадуется ли от этого сердце человека? О, да оно радуется! Посмотрите, как весело прохаживаются вечерком группы «умеющих жить». В их глазах чинность, важность, уверенность. Они и любят соответствующее им обращение. Не пробуйте назвать их товарищами, вы встретите отпор. Называйте их господами. Это забытое слово начинает снова входить в обиход. Все чаще и чаще слышишь на улице: «Позвольте, господин», «Разрешите, господин». Даже рабочие порой величают друг друга господами.

Безусловно, начинающееся оживление полезно не только «нэпманам», но и трудящемуся населению. Все больше и больше встречаются веселые лица, нет уже той нахмуренности, недовольства, которое было не так давно. Голод начинает уходить в область преданий. Предприятия снабжаются сырьем, продовольствием и пускаются в ход. Рабочие веселей берутся за работу» [26].

С переходом 1 октября 1923 г. на выплату заработной платы червонными рублями тюменцы впервые после 1914 г. почувствовали себя защищенными от инфляции, которая к тому же быстро пошла на убыль, стали лучше питаться, хотя их пищевой рацион так и остался несбалансированным. В начале 1926 г. среднестатистический горожанин ежедневно потреблял 684 г хлеба (рекомендуется 330 г), 370 г фруктов и овощей (650 г), 587 г мяса и рыбы (242 г), 38 г сладостей (не более 50-100 г) [27]. Расчеты показывают, что в это время месячный доход полной тюменской семьи (если муж и жена работали), как правило, составлял 50-70 руб. (обычно работающий мужчина получал 30-50 руб.; женщина-работница — 15-30 руб.). С вычетом квартплаты (в зависимости от заработка она составляла от 1 до 35 коп. за кв. м. жилой площади) и платы за обучение детей в школе, введенной в 1922 г. (1-3% от зарплаты), на покупки оставалось не менее 40-60 рублей. Конечно, такая сумма не шла ни в какое сравнение с доходами новой буржуазии и даже окладами партийных функционеров, но она гарантировала вполне сносное существование основной массе «рядовых» рабочих и служащих.

Чтобы убедиться в этом, приведем сведения о средних ценах на тюменском рынке по состоянию на 5 июня 1926 г. и сравним их с покупательной способностью «рядовой» городской семьи: мука ржаная (пуд) — 1 руб. 40 коп. (на «остаток» зарплаты можно купить 29-43 пуда); мука пшеничная (пуд) — 1 руб. 70 коп. (24-35 пудов); масло сливочное (фунт) 54 коп. (74-111 фунтов); телятина (фунт) — 24 коп. (167-250 фунтов); свинина (фунт) — 28 коп. (143-214 фунтов); молоко (четверть) — 18 коп. (222-333 четверти); картофель (ведро) — 19 коп. (211-316 ведер) и т. д. Дороже обходилась покупка обуви или одежды, не говоря уже о велосипеде или радиоприемнике. Так, женские туфли стоили от 6 руб. 90 коп. до 18 руб., рабочие сапоги — 12-19 руб., сандалии — от 2 руб. [28] и т. д.

Серьезным достижением в социальной сфере стали сокращение продолжительности рабочего дня до 7 часов, осуществленное к 10-й годовщине большевистской революции, введение в 1929 г. всеобщего начального образования. В середине

1920-х гг. несколько улучшилось медицинское обслуживание тюменцев, прекратились эпидемии. К 1929 г. в городе имелось 4 больницы, в том числе 2 детские (в 1913 г. — 2), 5 амбулаторий (в 1913 г. — не было), 5 фельдшерских пунктов (в 1913 г. — не было), родильный дом, кстати, старейший в Сибири, станция скорой помощи (в 1913 г. — не было), сотрудники которой выезжали к больным на двуколке. Если в 1913 г. в Тюмени насчитывалось 16 врачей, в том числе 4 стоматолога, то к 1927 г. — 39, в том числе 7 стоматологов [29]. Некоторые из них занимались частной практикой. Так, зубной врач А. С. Либерман вел прием пациентов с 8 до 19 час. в собственном доме по ул. Садовой (ныне ул. Дзержинского), 24, доктор А. И. Каган — с 9 до 19 час. в одном из номеров гостиницы «Восток» (находилась на ул. Садовой), врач Шайчик — с 7 до 9 и с 17 до 19 час. на квартире в доме по ул. Архангельской (ныне ул. Урицкого), 7 и т. д. В марте 1923 г. в предместье Тюмени открылся санаторий для больных туберкулезом, а в мае 1924 г. на заброшенной даче купцов Колокольниковых — дом отдыха им. Н. А. Оловяникова, секретаря Тюменского уездно-городского комитета РКП (б), погибшего при подавлении крестьянского восстания 1921 года.

В то же время по уровню медицинского обслуживания Тюмень существенно отставала от многих городов России: в Томске, к примеру, в 1928 г. насчитывалось до 700 врачей [30], т. е. в 18 раз больше. Несмотря на постоянное увеличение расходной части городского бюджета (1923/24 г. — 281,6 тыс. руб.; 1929/30 г. — 1497,7 тыс. руб.) и средств, выделяемых на образование (1923/24 г. — 28% бюджета; 1929/30 г. — 32%), их хватало только на оплату труда педагогов и отопление школьных зданий, половина которых не имела нормального освещения, спортивных залов, столовых и даже умывальников [31]. Медицинское обследование учащихся, проведенное в 1927 г., показало, что 5% из них болеют туберкулезом, 5% страдают сердечными заболеваниями. 13% жалуются на головные боли, у 49% увеличены лимфатические узлы [32].

Одной из серьезных проблем в Тюмени была безработица, вызванная многими причинами, но в первую очередь опережающими темпами роста городского населения в сравнении с восстановительными процессами в экономике, ее общей отсталостью. На 15 марта 1923 г. в городе были зарегистрированы 3067 безработных, на 1 февраля 1924 г. — 4224, на 1 октября 1926 г. — 2474, на 1 сентября 1927 г. — 3025, на 1 июня 1928 г. — 4123 человека, из которых лишь малая часть получала пособие [33].

Среди других городских социальных болезней отметим широкое распространение пьянства. По приблизительным оценкам, в 1926 г. на каждого жителя Тюмени выгонялось по ведру-два самогона. Повсеместно торговали водкой, вином, пивом. Вот всего лишь одна картинка из жизни местных пьяниц - завсегдаев пивной лавки «Нэп-2», размещавшейся напротив современного кинотеатра «Темп»: «Пьяные до невозможности посетители пивной выходят на улицу, мерзко ругаются и устраивают такие сцены, что по улице нельзя пройти. Во дворе же пивной безобразия доходят донельзя: одни — валяются и хрюкают, другие — борются и дерутся, третьи — «сеют репу», оправляются, превращая двор в свиной хлев или вернее в помойную яму. Тут же трутся полупьяные женщины легкого поведения (кстати, по оценкам медиков, каждая четвертая из них имела венерическую болезнь. — Авт.)» [34].

В 1923 г. тюменская милиция получила право штрафовать лиц, появившихся в пьяном виде на улицах или в общественных местах. Причем за два месяца были оштрафованы 219 человек, которые заплатили в городской бюджет 3616 руб. золотом (сумма, эквивалентная двухмесячной заработной плате всех городских врачей) [35]. В 1926 г. запретили продавать водочные изделия в праздники и воскресные дни, а в будни — после 15 часов [36]. Однако эти и иные меры мало сказывались на масштабах пьянства, хотя бы потому, что производство и реализация алкогольных напитков являлись важным источником формирования городского бюджета и отказаться от такой доходной статьи никто не решался.

Распространение пьянства в сочетании с другими причинами обусловило высокий уровень хулиганства и преступности, особенно в первые годы нэпа. За четыре месяца, с 1 ноября 1922 г. до 1 марта 1923 г., в городе было зарегистрировано 24 убийства, 59 крупных и 583 мелких краж, 183 случая конокрадства, одно изнасилование. Так, в октябре 1922 г. член правления профсоюза печатников Г-ов похитил из союзной кассы 2 млрд. руб., предназначенных для расчета с рабочими. В ноябре 1922 г. был ограблен магазин губсоюза, из которого вынесли 1 тыс. аршин ткани, 200 пудов конфет и других товаров на сумму 10 млрд. рублей [37]. Одно из наиболее «громких» преступлений - убийство 16 апреля 1922 г. пьяным членом Тюменского губисполкома С-м военного коменданта Тюмени Макарова [38].

Разумеется, фиксируя внимание на подобных фактах и явлениях, нельзя забывать и другое. Морально-нравственный климат города прежде всего определяли люди-труженики. Их рабочий день начинался около 6 час. утра: надо было принести воды с водоразборной колонки (1 ведро стоило 5 коп.), накормить и напоить домашний скот (горожане держали более 3 тыс. коров), отправить в школу детей. Напряженная работа продолжалась и после заводского гудка, извещавшего об окончании очередной рабочей смены, когда многие мужчины приходили на разгрузку барж, чтобы «еще работануть часа четыре на рубашенку семье» [39].

Самым популярным развлечением горожан в годы нэпа оставалось кино (тогда немое). Кинотеатров в Тюмени было несколько — «Победа», «Художественное кино», «Красная звезда». В 1928 г. открылся кинотеатр «Октябрь». Вечерами в городских садах (в 1926 г. их было пять: три «клубных» и два коммерческих - Ленинский, располагавшийся напротив Спасской церкви, и Загородный) организовывались «танцы до упаду» (терминология одного из рекламных объявлений). Часть молодежи увлекалась спортом. В марте 1923 г. состоялся первый чемпионат города по конькобежному и лыжному спорту, в 1926 г. — по футболу, в котором участвовали шесть команд — «Желдорога», «Центроклуб», «Металлист», «Профшкола», «Коммунистический интернационал молодежи» и «Зарека». Вскоре организуется сборная команда городских футболистов, одержавшая в мае 1928 г. одну из своих первых побед: со счетом 7:0 она выиграла матч у футболистов Ялуторовска [40].

В 1923 г. Тюменский губисполком установил «обязательные праздники», которые объявлялись нерабочими днями: 1 января — Новый год, 22 января — День «Кровавого воскресенья» 1905 г., 12 марта — День низвержения самодержавия, 18 марта — День Парижской коммуны, 1 мая — День интернационала, 15 июля — День освобождения Урала от белогвардейщины, 7 ноября — День пролетарской революции.

Непременным элементом революционных праздников были демонстрации и митинги. Обычно их участники собирались на Площади допризывной подготовки (находилась в районе современной ул. Орджоникидзе), затем колоннами двигались по ул. Республики до Площади борцов революции [41]. Здесь у бюста К. Маркса (установлен в 1921 г.), замененного в 1927 г. деревянной «революционной колонной», проходил торжественный митинг, после которого демонстрация возобновлялась: выходила на ул. Телеграфную (ныне ул. Красина), поворачивала на ул. Спасскую (ныне ул. Ленина) и расходилась на ее пересечении с ул. Голицынской (ныне ул. Первомайская). С 1926 г. обязательным атрибутом демонстраций стали глухо гремящие по каменной мостовой тракторы с прицепными плугами, сеялками, паровыми молотилками. На демонстрации 1 мая 1928 г. вслед за тракторами медленно двигалась крестьянская лошадка, запряженная в соху, к которой прикрепили красный стяг с четверостишием:

*«Шибко жизнь свою кляня,
Плакала кобыла:
Трактор вытеснил меня —
Дьявольская сила» [42].*

Безусловно, такие политические акции оказывали воздействие на массовое сознание. Однако и само оно впитывало в себя все противоречия двадцатых годов и оставалось «расколотым». Отсюда, с одной стороны, представление о нэпе как «золотом десятилетии», с другой — отторжение его, ностальгия по эпохе «бури и натиска», когда выброшенные на поверхность политической жизни общественные «низы» безбоязненно творили расправу над буржуазией.

Обратимся еще раз к зарисовке Грея, где он передает настроения тюменских пролетариев в связи с хозяйственным укреплением «нэпманов» и предлагает собственный «рецепт» выхода из нэповских противоречий:

«— Вот только бы не дать вылезавшим буржуям воли, — говорят рабочие.

Бояться нечего. Советская власть на страже, она не допустит, чтобы нэпмановская свинья сожрала все добытое Октябрьской революцией. Пусть буржуазия пока пожирует: вкусней потом из нее будет окорок» [43].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подсчитано по: Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 123; Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава II окружному съезду Советов Тюменского округа Уральской области за 1923-1924 г. Тюмень, 1924. С. 4.
2. Трудовой набат (Тюмень). 1922. 25 марта.
3. Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава... С. 115-116.
4. Там же. С. 58.
5. ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 232. Л. 1-2.
6. Трудовой набат. 1921. 13 сентября; 1921. 1 декабря; 1922. 28 апреля, 6 мая.
7. Подсчитано по: ГАТО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 276. Л. 121; Ф. 605. Оп. 1. Д. 284. Л. 2-24.
8. Трудовой набат. 1921. 29 сентября.
9. Там же. 2 июля.
10. Там же. 1922. 1 марта.
11. Там же. 1921. 2 июля.
12. ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 20. Л. 191.
13. Подсчитано по: ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 19. Л. 26; Д. 20. Л. 24 об., 25.
14. ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 19. Л. 38.
15. Трудовой набат. 1922. 29 октября.
16. Там же. 16 марта.
17. Подсчитано по: ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 235. Л. 24-27 об.
18. Трудовой набат. 1921. 20 июля.
19. Там же. 1926. 26 февраля.
20. Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава... С. 122; Трудовой набат. 1923. 9 августа.
21. Трудовой набат. 1926. 23 мая.
22. Подсчитано по: ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 235. Л. 98 об.
23. ГАТО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 88. Л. 265-270.
24. Трудовой набат. 1924. 27 января.
25. Там же. 8 февраля.
26. Там же. 1922. 17 февраля.
27. Там же. 1926. 24 января.
28. Там же. 5 июня.
29. Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава... С. 203; Отчетный доклад о работе Тюменского городского Совета Уральской области за 1926-27 хоз. год. Тюмень, 1927. с. 32; Отчет Тюменского городского Совета РККД за 1929-1930 год. Тюмень, 1930 С. 46.
30. Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 1999. С. 239.
31. Подсчитано по: Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава... С. 175, 179; Отчет Тюменского городского Совета РККД за 1929-1930 год. С. 7.
32. Красное знамя (Тюмень). 1928. 7 февраля.

33. Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава... С. 139; Отчетный доклад о работе Тюменского городского Совета Уральской области за 1926-27 хоз. год. С. 38; Трудовой набат. 1924. 15 марта; Красное знамя. 1928. 23 июня.
34. Трудовой набат. 1923. 7 сентября.
35. Там же. 14 августа.
36. Там же. 1926. 27 января.
37. Там же. 1922. 6 октября, 27 ноября; 1923. 16 марта.
38. РГАСПИ. Ф. 17. оп. 31. Д. 124. Л. 24.
39. Трудовой набат. 1923. 5 июля.
40. Там же. 1923. 24 марта; 1926. 2 июля; Красное знамя. 1928. 23 мая.
41. Трудовой набат. 1923. 7 июня.
42. Красное знамя. 1928. 4 мая.
43. Трудовой набат. 1922. 17 сентября.

*Иван Павлович КЛИМОВ—
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
кандидат исторических наук*

УДК 947. 084+656

ТРАНСПОРТНАЯ ПРОБЛЕМА В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ (КОНЕЦ 20-х –30-е гг. XX ВЕКА).

АННОТАЦИЯ. В статье на примере Уральского экономического района анализируются пути решения острой транспортной проблемы в сложный и во многом трагичный период отечественной истории, когда шло формирование тоталитарной политической системы.

The author upon the example of the Ural economic region analyses the ways used to solve the acutest transport problem in the tragic period of the 1920s-1930s.

Развитие транспорта непосредственно связано с общим подъемом экономики и культуры. Работа транспорта охватывает все сферы материального производства, создает материальную основу для процесса обращения в экономике. Транспортную схему образно связывают с кровеносной системой человеческого организма, которая выполняет сложнейшую функцию обмена веществ.

Совершенствованию работы транспорта придавалось важное значение на всех этапах российской истории. Неслучайно оно было включено в программные требования всех крупных политических партий, действовавших в России до октября 1917 г., в том числе и пришедшей затем к власти коммунистической партии. Вопросы работы транспорта в рассматриваемый период обсуждались на XVI-XVIII партийных съездах, на XVI-XVIII партийных конференциях, июньском (1931 г.), октябрьском (1931 г.), декабрьском (1935 г.) пленумах ЦК ВКП (б), многократно ставились на заседаниях Совнаркома СССР, Госплана СССР, Наркомата путей сообщения.

Конец 1920-х-1930-е гг. — сложное время в истории советского государства. Реализуется курс на проведение форсированной индустриализации, административным путем осуществляется массовая коллективизация, свертывается НЭП, из всех отраслей хозяйства решительно вытесняется частник. Происходит ломка общественных отношений. Под влиянием сложившегося культа личности деформируется политическая система. То, что происходило тогда на Урале и в стране, в исторической литературе часто называется «сталинской модернизацией». Она носила «догоняющий характер», преследовала цель ускоренно превратить страну в великую державу, осуществлялась методом проб и ошибок.